

спорным. Из слов автора можно заключить, что соотношение между «еще нет» и «уже» в эсхатологии Откр представляется ей наиболее сбалансированным из всех книг новозаветного канона. Для этого она вводит искусственное различие между небесным Иерусалимом (Гал 4; Евр 12) и Новым Иерусалимом (Откр 21–22), подчеркивая тем самым уникальность последнего, как целиком и полностью относящегося к будущему веку (с. 180–181).

Заключительная и небольшая по объему пятая глава «Опыт жизни в традиции: Надежда Церкви» перебрасывает мост между темой Иерусалима/Сиона в Откр и жизнью современных христиан. В данном случае автор выступает как опытный миссионер, в чью задачу входит использовать открывшиеся ему огромные риторические возможности Откр для утверждения христианской веры читателей.

В целом работа Л. Дау производит благоприятное впечатление благодаря ясной структуре, доступности изложения материала, а также разумно консервативному отношению к священному тексту. Отмеченные же недостатки, на взгляд рецензента, обусловлены скорее особенностями метода «канонической критики», который, тем не менее, позволяет избежать модернистского гиперкритицизма и связанной с ним «фрагментарности» изучения Библии. Автору удалось выполнить поставленную цель — отразить в своей работе различные аспекты богословия Сиона и познакомить заинтересованного в изучении данной темы читателя с долгой и неоднозначной предысторией образа Нового Иерусалима.

*диакон Глеб Курский
(ПСТГУ)*

Stephens M. B. Annihilation or Renewal? The Meaning and Function of New Creation in the Book of Revelation. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011 (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament; 2. 307). XI, 343 p.

Монография австралийского библеиста Марка Стефенса, вышедшая в 2011 г., является плодом многолетнего изучения ее автором темы творения в Священном Писании. Вопрос, вынесенный автором в заглавие («Уничтожение или обновление? Значение и роль нового творения в книге Откровения»), отнюдь не праздный: корректный ответ на него позволил бы лучше понять взгляд Тайнозрителя как последнего библейского пророка на то, как соотносятся между собой нынешний и будущий мир. Очевидно, что если в книге Откровения (далее: Откр) акцентируется, к примеру, преемственность, а не разрыв между ними, то это весьма существенно для новозаветного богословия, этики и даже экологии. Впрочем, автор рецензируемой монографии ограничивает свой анализ собственно космологией и эсхатологией Апокалипсиса и оставляет дальнейшую разработку темы другим исследователям.

Актуальность обращения к теме нового творения в Апокалипсисе обусловлена очевидным отсутствием в научной литературе согласия по вопросу о том,

какому из двух альтернативных эсхатологических сценариев (соответственно, уничтожению или обновлению мира) отдает предпочтение автор Откровения. Стоит согласиться с утверждением австралийского библеиста о том, что во многих работах по данной теме выбор анализируемых фрагментов Апокалипсиса нередко отражает точку зрения авторов, в то время как отрывки, подтверждающие противоположную позицию, игнорируются или их значение приуменьшается. Наконец, имеется необходимость пересмотреть эсхатологическую перспективу Откровения в свете новейших исследований апокалиптической литературы, не подтверждающих распространенные прежде представления о том, что для произведений этого жанра характерно отрицание какой-либо связи между настоящим и будущим мирами.

Не вызывает удивления то, что методологической основой рецензируемой работы является традиционный для протестантских исследователей Библии историко-критический метод, благодаря которому видения Откр оказываются помещенными в контекст сложных взаимоотношений, существовавших в конце I в. по Р. Х. между христианами малоазийских церквей и их окружением. Вместе с тем Стефенс расширяет свой исследовательский горизонт при помощи т. н. риторической и нарративной критики, поскольку не без основания считает Откр книгой, ориентированной, прежде всего, на формирование у ее слушателей цельного христианского мировоззрения. Совершенно очевидно, что видения суда и спасения, описанные Тайнозрителем, призваны дать не только объективную информацию о будущем состоянии мира, но должны оказать воздействие на этический выбор малоазийских христиан, оказывающихся непосредственными участниками изображаемой в Откр космической драмы.

Отдав должное описанию проблемы и методам исследования, автор переходит к анализу текстов, оказавших влияние на развитие темы нового творения в Апокалипсисе. Первыми в этом ряду стоят ветхозаветные книги, а именно те их фрагменты, аллюзии на которые в тексте Откр представляются бесспорными: это *loci classici* пророческой вести о новом творении — Ис 65. 17–25 и Иез 47. 1–12. Достаточно краткий, но вместе с тем убедительный лингвистический и контекстуальный анализ этих и ряда других фрагментов, приведенный во второй главе книги (с. 19–45), свидетельствует о том, что большинство из них *не* могут расцениваться как пророчества об уничтожении мира. *Эсхатон*, возвещаемый пророками, является не концом мира, но окончанием действия в этом мире разрушающих его изнутри сил зла. Тем не менее Стефенс обращается и к тем ветхозаветным текстам, которые следуют (по крайней мере с точки зрения употребляемой в них лексики) сценарию космической катастрофы. Высказываемые при этом возражения автора против приоритета «богословия уничтожения» не делают его выводы однозначными: по его мнению, можно только предполагать, как подобная двойственность ветхозаветного пророчества в вопросе о судьбе творения могла отразиться на позиции автора Откр.

Еще большая неоднозначность отмечена Стефенсом во взглядах авторов межзаветных апокалипсисов, рассмотрению которых посвящена третья глава книги (с. 46–116). Здесь автор демонстрирует то, что, помимо полярных точек зрения на перспективы настоящего мира, в иудейской литературе этого периода

появляется множество других сценариев, в разной степени тяготеющих к эсхатологической аннигиляции или трансформации. Какой же из иудейских апокалипсисов в наибольшей мере повлиял на Тайнозрителя и, возможно, на изображение нового неба и земли в Откр? На данном этапе исследования этот вопрос остается без ответа. Впрочем, проведенный корректный и взвешенный анализ межзаветного материала не безрезультатен, поскольку лишает опоры позицию тех библеистов, которые на основании принадлежности Откр к апокалиптическому жанру настаивают на наличии в ней катастрофического сценария.

Таким образом, ответ на поставленный в начале исследования вопрос автор, а вслед за ним и читатель книги не должны искать нигде, кроме текста самого Апокалипсиса. Однако, прежде чем перейти к анализу Откр, Стефенс обращается к двум другим раннехристианским текстам, а именно Рим 8. 19–22 и 2 Пет 3. 5–13 (с. 117–140), которые представляют собой яркие и на первый взгляд контрастирующие пророчества о будущем мира. Радикальность разрыва между миром настоящим и будущим в последнем из них (обычно принимаемая априорно: чего стоит только знаменитое «*небеса с шумом прейдут... земля и все дела на ней сгорят*») подвергается автором сомнению. Критический разбор данного фрагмента, являющегося ко всему прочему предметом дискуссии новозаветных текстологов, свидетельствует о возможности его юридического (а не онтологического) толкования, при котором исчезновение прежнего неба обнажает землю и дела ее обитателей для совершения над ними справедливого божественного суда. К сожалению, автор, создав достаточные условия для гармонизации рассмотренных новозаветных свидетельств, довольствуется констатацией наличия внутри раннего христианства по-разному понимаемых (или выражаемых) эсхатологических идей. Такое заключение, чуть ли не буквально повторяющее выводы двух предыдущих глав, несколько разочаровывает.

Наконец, в пятой главе книги австралийский библеист обращается к теме нового творения в Апокалипсисе. Немалое значение для его аргументации имеет разбор социальной ситуации, риторической стратегии и структуры повествования Откр (с. 141–170), который подготавливает читателя к адекватному восприятию важных с точки зрения выбранной темы фрагментов книги. Назвать этот раздел удачей автора мешает лишь его стремление сделать свои рассуждения и выводы о природе текста Откр абсолютно прозрачными. Так, далеко не все согласятся видеть в изображении Тайнозрителем событий будущего пример использования им одной из *риторических* техник (причем типичной для всех других апокалипсисов (см.: с. 62)).

Заключительным, наиболее объемным и, безусловно, самым интересным в работе является раздел, в котором автор разбирает ключевые тексты Апокалипсиса, посвященные творению (с. 171–257). Этот раздел прекрасно сбалансирован, а потому не только легко вводит даже неподготовленного читателя в контекст таинственных образов Откр (и не менее сложный мир академических исследований книги), но и строго следует своей цели: определить позицию Тайнозрителя по вопросу о преимственности или разрыве между настоящим и будущим миром. Согласно анализу видения «небесной литургии» (Откр 4–5), открывающего основной раздел книги (4. 1–22. 5), идея актуализации космического

поклонения Богу благодаря совершенному Им благодатному *преображению* творения представляется в гораздо большей степени соответствующей контексту, чем идея *creatio de novo*. В Откр 11. 15–19 это пророческое видение об идеальном состоянии мира объявляется свершившимся и в свою очередь предвосхищает появление и последовательное уничтожение в последующих главах сил зла, именуемых здесь «губившими землю». Наконец, тема нового творения находит свое логическое завершение в финальных главах книги (Откр 21–22). Вот как представляет их значение сам автор монографии: «...творение не оставлено, а скорее оно поднято на качественно более высокий уровень, где его изначальные цели и задачи исполняются в полной мере... новое творение отличается от старого *отсутствием* сил, которые несут с собой разрушение, боль и хаос... а также полным и непосредственным *присутствием* Бога, поскольку ранее противопоставленные друг другу небо и земля сливаются в одно нерасторжимое единство» (с. 256–257).

Подводя итоги своего исследования, автор «с высоты» проведенного им анализа текста Апокалипсиса отбрасывает ту неопределенность, с которой он говорил о характере связи между пророческими, апокалиптическими, новозаветными книгами, с одной стороны, и Откр — с другой. По его мнению, видения и речения Апокалипсиса, укорененные в предшествующей традиции и ориентированные на аудиторию малоазийских христиан, призваны сообщить как о суде над современным состоянием творения, так и об эсхатологическом *обновлении* мира. Таким образом, именно *обновление* оказывается ответом на вопрос, вынесенный автором в заглавие книги.

Высокий научный уровень рецензируемой монографии, а также подготовленность и убедительность представленных в ней выводов делают ее значительным вкладом в изучение темы творения в Откр и открывают возможности для перспективных исследований в смежных областях богословия. Поэтому без преувеличения можно сказать, что настоящая книга Марка Стефенса достойна пристального внимания как со стороны студентов, так и стороны серьезных ученых-библеистов.

диакон Глеб Курский
(ПСТГУ)

Baynes L. The Heavenly Book Motif in Judeo-Christian Apocalypses, 200 BCE — 200 CE. Leiden: Brill, 2012 (Supplements to the Journal for the Study of Judaism; 152). IX+233 p.

Монография «Мотив небесной книги в иудео-христианских апокалипсисах 200 г. до Р. Х. — 200 по Р. Х.», автором которой является Лэсли Бэйнс, исследовательница из университета Нотр Дам в США, специалист в области апокалиптической литературы, представляет собой переработку ее докторской диссертации.

В качестве отправной точки для своего исследования автор берет высказывание философа Ж. Деррида: «...книги и письменность всегда связаны с вопро-